

*Найбойченко В. В.,
аспирант кафедри уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ ВИНЫ

Аннотация. В статье представлен взгляд автора на проблему влияния философских воззрений на возникновение понятия вины и дальнейшее его эволюционное развитие в теории уголовного права.

Ключевые слова: теория уголовного права, понятие вины, философская основа.

Постановка проблемы. В начале XX столетия по вопросу формирования науки уголовного права в России Г.С. Фельдштейн отмечал: «При отсутствии в России в течение очень долгого периода научной специализации, очень глубокие взгляды и, притом, вполне самобытные и затрагивающие предметы уголовного права, высказывались людьми, очень далеко стоявшими от юриспруденции в техническом смысле этого слова» [1, 5]. В связи с этим важно подчеркнуть, что и философская мысль была истоком и продолжает оставаться одной из важнейших составляющих эволюционного развития научных взглядов по вопросам уголовного права вообще и по вине, в частности.

Изложение основного материала. Философский взгляд на проблему вины формировался с времен древней античности, когда философы задумывались о смысле вины, о нравственной составляющей ее содержания, когда вина неразрывно связывалась с нарушением моральных норм, чувством ответственности за совершенный проступок.

Концепция обусловленности полисных законов объективными общемировыми закономерностями была развита Гераклитом (ок. 530 — 470 гг. до н. э.), для взглядов которого, как и для античных представителей в целом, характерно рассмотрение правовой проблематики и вообще всех земных, человеческих дел и отношений в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами. Поэтому и полисные законы трактовались как отражение космического порядка, предприни-

мались поиски космических истоков полисных норм и установлений. Согласно Гераклиту, мировым явлениям присущи необходимые связи и «скрытая гармония», в принципе доступные человеческому познанию. Основой упорядоченной связи противоположностей и упорядоченности мира как космоса является огонь — всеобщий эквивалент взаимопереходящих противоположных явлений и мера мирового порядка в целом [2, 401–402].

Можно предположить, что в соответствии с учением Гераклита, вина и виновное поведение рассматривались также в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами, а огонь выступал эквивалентом преступления и наказания, виновного и невинного поведения.

Истинные намерения лица, его желания, побудительные мотивы совершаемых преступлений всегда имели значение для определения антисоциальной направленности личности виновного. Размышления Демокрита по данному поводу таковы: «Быть хорошим человеком значит не только не делать несправедливости, но и не желать этого ... Честный и бесчестный человек познается не только из того, что он делает, но и из того, что он желает» [3, 157]. Из данного изречения следует, что философ придавал большое значение намерениям человека, а следовательно, и умыслу, в волевой компонент которого включается желание.

Софисты были глубокими и смелыми новаторами. Их поворот от объективно-божественного к субъективно-человеческому комплексу явлений и проблем был великой исторической заслугой. Они предприняли плодотворную попытку взглянуть на мир человеческими глазами [4, 404].

Основополагающий принцип воззрений софистов был сформулирован Протагором (ок. 481 — 411 гг. до н. э.): «Мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют,

а несуществующих, что они не существуют» [5, 405]. Видимо, поэтому в софистике взамен божественному и космическому объяснению всех явлений и понятий за виной закрепляется значение «проступок», «неправильное поведение» человека.

В философских трудах Сократа и Платона обосновывается концепция «невольной вины», суть которой сводится к тому, что «никто не делает зла по собственной воле». Любая добродетель, по Сократу, — это знание. Ксенофонт так писал о Сократе: «Он утверждает, что справедливость и всякая другая добродетель состоит в знании, и что справедливое и все то, что совершается посредством добродетели, есть нравственно-прекрасное; что, таким образом, знающие нравственно-прекрасное не предпочтут ему ничего иного, а незнающие не произведут его; если же захотят произвести, то впадут в ошибки. Если же справедливое и все нравственно-прекрасное совершается посредством добродетели, то, очевидно, справедливость и всякая другая добродетель есть закон» [6, 408]. Поэтому вину вряд ли можно признать добродетелью. Следовательно, не будет противоречить воззрениям Сократа то, что виновные поступки совершаются по незнанию.

Платон видел в преступлении продукт преходящего болезненного состояния души, а в наказании — меру лечения [7, 37]. Удовольствие и страдание философ признавал истоком добродетели и порока. «...первые детские ощущения, — говорил Платон, — это удовольствие и страдание, и благодаря им сперва и проявляются в душе добродетель и порок. Что же касается разума и прочных истинных мнений, то счастлив тот, в ком они проявляются хотя бы в старости» [8, 100].

В классический период античности (V-IV вв. до н.э.) появляется идея о намеренном нарушении норм, о свободной воле человека, которая находит проявление в совершении проступка. Так, Аристотель выделял такие понятия, как «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия» и устанавливал между ними корреляцию. Как отмечал философ, намерение по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о характере. Внезапные действия он называл произвольными,

но не преднамеренными; различал намерение и стремление. «Те, как кажется, ошибаются, — писал Аристотель, — которые называют намерение стремлением, или страстью, или волей, или известного рода представлением, ибо неразумные существа не имеют намерения, а имеют стремление и страсть, и воздержный действует под влиянием стремления, но не преднамеренно, в то время как воздержный, напротив, действует преднамеренно, но не под влиянием стремления. <...> ...стремления противодействуют намерению, а стремление не противодействует стремлению. Наконец, стремление касается наслаждения и страдания, намерение же не имеет дела ни со страданием, ни с наслаждением, еще менее намерение может быть названо страстью, ибо то, что совершается под влиянием страсти, менее всего кажется преднамеренным. Но и волей намерение не может быть названо, хоть оно и кажется родственным ей. Намерение никогда не имеет дела с невозможным, и если бы кто сказал, что он намерен сделать невозможное, то он показался бы дураком. Желание [воля] не может касаться невозможного, например бессмертия. Воля может далее касаться и того, что совершенно не в нашей власти, например [мы можем желать], чтобы актер или атлет одержал победу, но ни у кого не является намерения относительно подобного, а лишь относительно того, что, как он думает, *в его власти*. Сверх того, воля имеет более в виду цель, намерение же — средства» [9, 193–194].

Приведенные суждения подтверждают вывод о том, что период античной философии имел огромное значение для формирования уголовно-правового учения о вине. Такие понятия, как «намеренное нарушение норм», «невольная вина» и «трагическая вина», думаем, служили прототипом умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда в их современной уголовно-правовой трактовке. Философия Аристотеля, считаем, оказала большое влияние на формирование взгляда о вине известнейшим российским ученым С.В. Познышевым [10, 114]. Нравственная составляющая содержания вины сегодня также востребована уголовно-правовой наукой. В частности, профессор Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом,

и он отражался бы в ней самостоятельным признаком [11, 112].

В Ветхом Завете признается психическое, субъективное основание ответственности наряду с объективным: лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному, при оценке которого используются признаки, указывающие на наличие или отсутствие умысла. Термины «вина» и «виновность» означают оценку поведения как «упречного» или «безупречного». Виновность рассматривается как общий показатель того, что лицо совершило инкриминируемое деяние, его действие (бездействие) послужило источником вреда. Этот термин в большей степени указывает на объективную, причинную связь деяния с наступившим последствием, например, в книге Исход сказано: если вол забодал человека до смерти в первый раз, «хозяин не виноват», но если такой случай не первый «и хозяин его, быв извещен о том, не стерег его», то «хозяина <...> предать смерти», т.е. хозяин виноват. Термины «виноват», «не виноват» указывают на наличие или отсутствие у хозяина обязанности следить за своим волком. В Книге Исход также встречается выражение «не повинен смерти», используемое, когда один ударил другого и последний слег в постель, но не умер, а, излечившись, встал и начал ходить при помощи палки. В таком случае ударивший «не будет повинен смерти; только пусть заплатит за остановку в его работе и дает на лечение его». Выражение «не повинен смерти» означает отсутствие деяния, достойного наказания смертью, иными словами, о вине идет речь как об общей оценке содеянного. Из видов вины признается только прямой умысел, который определяется терминами «злоумышление» и «намерение», косвенный умысел еще не получил признания, он приравнивался к неосторожности; все, что не свидетельствует о прямом умысле («злоумышлении», «намерении»), есть неосторожность или случайность. Например, убийство описывается так: «Кто, ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти. Но если кто не злоумышлял <...> то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть» [12, 61–62].

На наш взгляд, признание христианским учением психического, субъективного основания ответственности наряду с объективным, а именно тезис о том, что «лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному», сыграли большую роль в формировании психологической концепции вины.

Аврелий Августин — один из основателей христианской философии в своей «Исповеди» рассуждал о «побегах греха» следующим образом: «Также с преступлениями, — когда жаждут нанести вред, обидев человека или причинив ему несправедливость: враг желает отомстить врагу; разбойник грабит путешественника, чтобы поживиться на чужой счет; страшного человека убивают, боясь от него беды; бедняк богача из зависти; человек преуспевающий соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что он уже ему равен; из одного наслаждения чужой бедой, примером служат зрители на гладиаторских играх, насмешники и издеватели, все это побеги греха, которые пышно разрастаются от страсти первенствовать, видеть и наслаждаться, овладевает ли человеком одна из них, две или все три разом» [13; Книга 3, VIII, 16].

Мысли Аврелия Августина о наказании своими корнями также уходят в идею о первородном грехе, он, в частности, писал: «И наказание создал не я, а «грех, обитающий во мне», как кара за грех, совершенный по вольной воле: я ведь был сыном Адама» [14; Книга восьмая, X, 22].

Христианское учение оказывало большое влияние и на светские институты. Первой правовой системой было каноническое право, первый свод канонов вышел в 1234 г. Христианский доминант прослеживался и в научном плане, поскольку именно богословие было первоосновой юридической науки [15, 30].

В позднее Средневековье Фома Аквинский (1225 — 1274 гг.), анализируя вопрос мотивации человеческого поведения, пришел к выводу, что структура поступка состоит из четырех элементов: стремление к чему-либо; усилие воли, выбор, определение мотивов, обдумывание способа действия; одобрение и само действие. Согласно учению Аквинского поступки человека должны совершаться

на основе его разума, являющегося основой человеческой свободы, реализующейся в границах, очерченных Богом [16, 5].

Однако были и несколько другие философские воззрения. Например, Никколо Макиавелли (1469 — 1527 гг.) исходил из того, что «надо управлять, ибо как римляне осудили различно, смотря по разности вины, так должны поступить и вы, усмотрев различие вины и среди наших мятежников» [17, 9]. Приведенное изречение Н. Макиавелли свидетельствует о том, что философ придавал большое значение разным видам вины, степеням вины.

И только в XVII в. от богословия отделились философия, юриспруденция и политические науки [18, 30]. Голландский юрист и философ Гуго Гроций в своем трактате «О праве войны и мира» (1625 г.) указывал, что естественное право, по сути, является правом божественным, т.е. источником его является воля Бога. Закон Божий, писал философ, «был трижды дан человеческому роду: тотчас после создания человека, затем в целях искупления человеческого рода после потопа и впоследствии Христом ради полного искупления человеческого рода» [19, 31].

Понятие вины получает свое дальнейшее развитие в трудах Иммануила Канта (1724 — 1804 гг.). В таких работах, как «Основы метафизики морали», «Критика чистого разума», «Религия в пределах только разума», «Метафизика нравов» автор убедительно показал, что человек разрывается между двумя мирами: во-первых, человек — феномен материального мира, клеточка чувственно-природного мира; и, во-вторых, человек есть существо сверхчувственное, рационально-духовное, нравственное [20, 166].

У Канта была также своя философия религии. Рассматривая вину через призму религиозной философии, он выделил преднамеренную, неумышленную и прирожденную вину. Последняя заключается в человеческом стремлении к злу, неисполнении долга как необходимости совершать добро во всей возможной полноте [21, 166]. Вместе с тем, И. Кант отмечал: «Поскольку свобода есть полная самодеятельность воли, не определяемой ни *стимулами*, ни чем-либо иным из того, что аффицирует субъект, то относительно нее все определяется исключительно уверенностью личности в том именно,

что она осознана (себя), действует по собственному произведению, что воля деятельна и не определяется ни *стимулами*, ни чуждыми впечатлениями. В противном случае я должен был бы говорить, что я влеком или подвигнут к тем или иным действиям, что, по сути, означает, что я страдающий, а не действующий. Если Бог управляет определениями воли, то действует — он, если воздействия вещей с необходимостью определяют волю, то они принуждают...» [22, 23].

По вопросу понятия и видов вины в «Философии права» Г.В.Ф. Гегель отмечает: «Мне может быть вменено то, что содержалось в моем умысле, и при рассмотрении преступления это имеет преимущественное значение. Однако в вине заключается совершенно внешнее осуждение, совершил ли я нечто или не совершил, из того, что я несу за что-либо вину, еще не следует, что преступление может быть мне вменено» [23, 161]. Приведенное суждение позволяет заключить, что его автор рассматривал вину как оценку факта совершения деяния, внешнее осуждение этого деяния. Из видов вины им выделялся только умысел. Сторонники оценочной концепции вины постулат Гегеля взяли за основу.

Теории воли и свободы также оказали влияние на формирование уголовно-правовых взглядов на понятие вины. В XIX в. Фридрих Ницше утверждал: «...человек становится тем, чем он *хочет* стать, его воля предшествует его бытию», «вследствие того, что человек *считает* себя свободным, а не вследствие того, что он действительно свободен, он ощущает раскаяние и угрызение совести». «Никто не ответствен за свои дела, никто не ответствен за свое существо; судить — значит быть несправедливым» [24, 52–53], — отмечал Ницше.

Человек свободен и относительно самого себя, если только он не делается рабом своих слабостей и страстей. Акты человека могут быть или согласны с его свободой воли — и тогда, отмечает И.Я. Фойницкий, мы говорим о человеческом действии, или не согласны с ней, определяясь чем-либо внешним, ему посторонним, — и тогда это продукт материальный, физический, не имеющий никакого права на название человеческого действия. Возможна только следующая альтернатива: или полная свобода, или полная несвобода.

Первая есть исключительное достояние человека, основа его моральной и правовой ответственности; вторая свойственна остальному миру. Первая отвечает на вопрос: зачем, для чего? Вторая управляется вопросом: почему? Все добродетели и пороки, все великие и ничтожные дела человека, весь его характер, все внутреннее его духовное состояние создается его личной свободой воли. За них как за свои продукты он несет награды и наказания, похвалы и порицания, но кругом и исчерпывается его ответственность и его заслуга. Такова исходная точка этого направления, знающего только личную мораль, личную этику и полагающего исключительно в ней основы человеческой ответственности перед собой и перед другими [25, 34–35].

Выводы.

1. Период античной философии имел огромное значение для формирования уголовно-правового учения о вине и продолжает быть значимым в настоящее время для правильного понимания теории вины. Такие понятия, как «намеренное нарушение норм», «невольная вина» и «трагическая вина», выработанные античными философами, думаем, служили прототипом умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда в их современной уголовно-правовой трактовке. Нравственная составляющая содержания вины сегодня также востребована уголовно-правовой наукой. В частности, Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом, и он отражался бы в ней самостоятельным признаком.

2. Можно предположить, что в соответствии с учением Гераклита вина и виновное поведение рассматривались в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами, а огонь выступал эквивалентом преступления и наказания, виновного и невиновного поведения.

3. Аристотель выделял такие понятия, как «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия» и устанавливал между ними корреляцию. Как отмечал философ, намерение по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о характере. Внезапные действия он называл произвольными, но не преднамеренными; различал намерение и стремление.

4. Признание христианским учением психического, субъективного основания ответственности наряду с объективным, а именно тезис о том, что «лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному», сыграли большую роль в формировании психологической концепции вины.

5. Суждение Г.В.Ф. Гегеля о том, что вина есть оценка факта совершения деяния, внешнее осуждение этого деяния, за основу взяли сторонники оценочной концепции вины.

Литература:

1. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. — Ярославль : Тип. Губернского Правления, 1909. — 668 с.
2. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. — М. : ИНФРА · М — НОРМА, 1997. — 652 с.
3. Материалисты Древней Греции : собрание текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура. — М. : Политическая лит-ра, 1955. — 238 с.
- 4 — 6. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. — М. : ИНФРА · М — НОРМА, 1997. — 652 с.
7. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием / И.Я. Фойницкий. — М. : Добросвет-2000; Городец, 2000. — 464 с.
8. Платон. Законы : пер. с древнегреч. / Платон ; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев ; примеч. А.А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1999. — (Классическая философская мысль). — 832 с.
9. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Мн. : Литература, 1998. — (Классическая философская мысль). — 1392 с.
10. Познышев С.В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Общая часть / С.В. Познышев. — М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. — 280 с.
11. Разгильдиев Б.Т. Глава 3. Уголовно-правовая характеристика признаков преступления / Б.Т. Разгильдиев // Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. — Т. 2. — Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. права», 2008. — 648 с.
12. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.Б. Харabet, А.А. Толкаченко. — М. : Норма, 2009. — 336 с.
- 13 — 14. Августин А. Исповедь / А. Августин ; пер. с лат. М.Е. Сергеевко ; вступ. ст. А.А. Столярова. — М. : Ренессанс, 1991. — (Памятники религиозно-философской мысли). — 488 с.
15. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.Б. Харabet, А.А. Толкаченко. — М. : Норма, 2009. — 336 с.
16. Векленко С.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учеб. пособие / С.В. Векленко, М.В. Бавсун. — Омск : Омская акад. МВД России, 2006. — 103 с.
17. Макиавелли Н. О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны / Н. Макиавелли // Макиавелли Н. Государь. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: сборник / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Томашевского,

- Е. Солоновича и др. ; примеч. М. Андреева, Р. Светлова. — М. : Эксмо, 2009. — (Зарубежная классика). — 512 с.
- 18 — 19. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.Б. Харабет, А.А. Толкаченко. — М. : Норма, 2009. — 336 с.
- 20 — 21. Антология мировой философии : в 4 т. — Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. — первый двух третей XIX в. / ред.-сост. ; авт. вступит. ст. Н.С. Нарский. — М. : Мысль, 1971. — (Философское наследие). — 760 с.
22. Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum) / И. Кант. — М. : Прогресс — Традиция, 2000. — 752 с.
23. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель // ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц ; пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. — М. : Мысль, 1990. — (Философское наследие. Т. 113). — 524 с.
24. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Сочинения / Ф. Ницше. — М. : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2006. — (Антология мысли). — 848 с.
25. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. — М. : Добросвет-2000; Городец, 2000. — 464 с.

Найбойченко В. В. Філософська основа кримінально-правового розуміння провини.

Анотація. У статті представлений погляд автора на проблему впливу філософських поглядів на виникнення поняття провини і подальший його еволюційний розвиток в теорії кримінального права.

Ключові слова: теорія кримінального права, поняття вини, філософська основа.

Nayboychenko V.V. Philosophical basis of concepts of guilt in criminal law.

Summary. The article presents the author's view on the issue of influence of philosophical views on the emergence of the concept of guilt and its further evolution in the theory of criminal law.

Keywords: theory of criminal law, concept of guilt, philosophical basis.